СИНЯК 2-ГО УРОВНЯ

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

КЛИМ РУДНЕВ

Клим Руднев

Синяк 2-го уровня

«Автор»
2026

Руднев К.

Синяк 2-го уровня / К. Руднев — «Автор», 2026

Меня зовут Алек, и я алко... ой, чертова привычка. И я снова влип.Хотел спокойно работать, не бухать и хотя бы делать вид, что жизнь не такое дерьмо. Но, сюрприз-сюрприз, по Угрюмову расползаются черные Ноды, а местный цыган-колдун явно что-то мутит. Да и Система выплевывает задания, будто я нанимался этим... как его... бетменом.Хорошо хоть не один я. Наглый рыжий кот и дохлая крыса с папиросой все еще со мной. Привет им от вас передам! Еще бы с женщинами разобраться, не вернуться к прошлым привычкам и до следующего уровня дожить.В общем, все идет по плану. Не сказать, что хорошему, но по плану.

© Руднев К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Сканер нового уровня 5
Глава 2. Паутина Угрюмова 11
Глава 3. Поиск источника 16
Глава 4. Выходной 20
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Клим Руднев
Синяк 2-го уровня

Глава 1. Сканер нового уровня

Хотите прикол?

Да похер, если честно, хотите или нет — все равно расскажу. Да и хрен ли вам тогда вообще открывать эту книгу и читать ее, если не ради моих приколов?

Короче, забухал я знатно после повышения. Не, ну а че? Подумал о том о сем: жизнь наладилась, бабки водиться стали, народ зауважал, мать загордилась. Ну и, думаю, самое время все проебать. Вернулся к водке своей любимой, точно к бывшей подружке, и все на том. С работы поперли, система отрубилась, весь прогресс на дно бутылки «Пшеничной» ушел. Ну а я че? Думаете, снова восстал из пепла и упорно решил, что срывы бывают и вообще один раз не пидорас и надо двигаться дальше? Хрен там плавал. Нравится мне на дне, свинья везде грязь найдет.

Поверили? Ну даете. Да как бы оно не так! Иначе историю можно было заканчивать уже сейчас, после нескольких абзацев. Но я, пожалуй, продолжу. Побарахтаюсь еще немного, так сказать.

В общем, так вот незаметно почти год минул с того рокового момента, когда передо мною впервые предстал Посредник и предложил мне тему с системой кармы и всю эту волшебную ерунду. Почти год с того момента, как я сразился с Горой, получил нефиговое повышение на работе и как срывался на алкашку в последний раз. Нет, соблазнов за все это время много было и даже слишком. Шнырь вон то и дело хватался за свою призрачную голову и бормотал себе под нос проклятья. Но я держался молодцом и не забухал с того момента ни разу. Даже не нюхал, как говорится. И конечно, все это время я не сидел сложа лапки. Жизнь била ключом во всех, мать ее, смыслах.

Для начала, работа шла у меня хорошо. Сан Саныч нахваливал, завод наяривал нормативы как никогда. Планы все выполнялись, народ шуршал и шевелился, никто больше не воровал, разумеется. Употребление спиртного среди работяг тоже как-то подсократилось. Ну или они просто перестали совсем уж внаглую бухать на рабочем месте, чувствуя, что я такой подход не одобряю. Колян вон тоже держался. Парочку срывов у него все ж случилось, но то ерунда по сравнению с тем, с какого дна он поднимался, когда только начинал отказываться от синьки. Пашка, студент мой зеленый, выкладывался по полной программе, ловил каждое слово, опыт перенимал и очень старался хорошо работать. В общем, все шло своим чередом.

Зарплата у меня теперь была такая, что хватало на многое всякое разное. Недавно вот замутил матушке роскошный ремонт в квартире. Полностью поменяли все: начиная от линолеума и обоев, заканчивая техникой и прогнившей сантехникой. Сделали все по красоте и полному соответствию последним тенденциям в этих самых ремонтных делах. Нанимал бригаду даже. Не то чтобы я сам бы не справился, но на работе такая загруженность, сами понимаете. В общем, оно оказалось и к лучшему, потому что в бригаде этой бригадир Семен за мамкой приударил, ну и закрутились у них шуры-муры. А че, мужик он вполне себе ничего. Работящий, не бухающий. Ворчливый только, как старый пес, но мамке, главное, нравится. А если ей хорошо, то и мне спокойно. Батя-то ушел хрен знает сколько лет назад, она одна куковала все это время. А так вон — аж расцвела, довольная теперь ходит. Ремонт, новый мужик, сын бухать бросил — не жизнь, а сказка в сравнении с тем, что раньше было.

К слову, новая зарплата мне позволила не только ремонты у матушки спонсировать. Наконец смог съехать от бабы Гали. Мне, конечно, нравилось с ней жить: всегда дома чисто,

похавать есть и денег за жилье минимум. Но как справедливо однажды подметил Шнырь: «Ты, говорит, Алек, мужик молодой, а живешь с бабкой. Это ни в какие ворота. Надо оставлять тебе уже насиженное гнездышко и шуровать свою жизнь строить». И тогда я что-то крепко задумался, пожил с этими мыслями пару дней, да и решил снять себе квартиру. Ну серьезно, всю жизнь с бабой Галей не проживешь. Можно, конечно, но нехорошо как-то. Подобрал себе небольшую двушку почти в центре Угрюмова. Квартира довольно скромная, в панельном доме, но по меркам нашего Угрюмова это не хер собачий. В общем, где-то полгода назад заехал туда со своим котом Васькой, который, к слову, уже стал большой такой пушистой и наглой дурой, да и зажили мы там счастливо. Я, Васька и Шнырь еще, который ходил ко мне иной раз как на работу.

И конечно, с переменами как с бедой. Вот говорят же, что беда не приходит одна, так и перемены.

Стоило мне заселиться в новое жилье и более-менее обосноваться там, как судьба подкинула мне новое испытание. И звали это испытание Настюхой. Ну, то есть сама она себя называла Стейси и просила, чтоб я ее так называл тоже, но не моя эта история, я ей сразу так и сказал. По паспорту она Настюха, на том предпочел и остановиться. Она поправляла меня какое-то время, а потом смирилась.

В общем, Настюха — это молодая такая деваха, живущая этажом выше. Блондинка с шикарными формами, настоящая красотка, что уж тут говорить. Я с ней пару раз в подъезде сталкивался и у подъезда, пока сидел на лавке и курил. Вечно она то в шортах коротких, которые чуть зад прикрывают, то в платьях таких же. Глазищи у нее такие большие и наивные, а ресницы натурально как два опахала… ну, в хорошем смысле. Не знаю, что она там с ними делает, чтобы они такими были. Приклеивает, наверное, или вроде того — бабская это тема. Губы еще у нее такие сочные, большие, ноги, задница, грудь — все при ней. На вид Настюхе не больше двадцати пяти, так что видов я на нее не имел, но смотреть было приятно. Она вечно таскалась домой с какими-то пакетиками цветными и маленькими коробочками. Один раз видел, как она записывала, кажется, видео на смартфон прямо у подъезда. Говорила что-то вроде: «Привет всем моим подписчикам, сегодня забрала помаду, вечером будем распаковывать». И прочую подобную лабуду. Я еще подумал про себя: а что, подписчики ее помаду, что ли, распаковывать не умеют? В чем прикол? Но да ладно, слишком я уж далек от подобного дерьма. Так мне казалось. Иногда Настюха, когда здоровалась со мной, странно кривила лицо. Вроде как улыбалась, но как-то многозначительно, что ли. Шнырь говорил, что я ей нравлюсь и она со мной заигрывает. А я думал: с хера ли этой молодой девахе заигрывать со мной? И больше ставил на какой-нибудь лицевой паралич. Ну, всякое же бывает.

Так вот было бы и дальше. Но у Настюхи кран потек, и она взяла да и ко мне спустилась за помощью. Кран я ей сделал, а вместе с тем и чай остался попить. Ну а потом… в общем, заобщались мы тесно как-то и довольно быстро. Да так, что полгода уже общаемся. Настюхе, оказывается, мать квартиру в ипотеку купила. Она меня все к себе жить зовет на этаж выше, но я как-то не готов пока переходить на следующий уровень. Хотя она мне нравится, конечно. Все рассказала, что снимает всякие ролики в интернет, типа, блогер она. И подписчики ее умеют распаковывать коробки — просто она заказывает всякую косметику и показывает им, как и что работает в реальности. Как тени ложатся, как оттенок помады смотрится, ну и всякое такое прочее. Нормальной работы у нее нет. Говорит, что это и есть нормальная работа. Мне в общем-то все равно, я не за карьерные амбиции ее люблю. В общем, Настюха у меня настоящая звезда. Повезло мне в Угрюмове такую отхватить. Она без отца росла, вот и не хватало ей крепкого мужского плеча. А тут я подвернулся. Счастливчик, что еще скажешь. Характером только не вышла, но это у баб, видимо, врожденное. Я давно смирился.

Что же касалось системы — ну, она тоже не дремала. Хотя, наверное, можно было сказать, что как раз дремала. В том смысле, что после махача с Горой никаких серьезных задач мне так

и не подкинули, несмотря на многообещающие намеки Посредника. Что, мол, будет какой-то следующий этап и новый уровень сложности. Ага, десять раз. Напротив, мы со Шнырем уже измучились от бесконечно однотонной рутины. Слонялись просто по Угрюмову и уничтожали Ноды время от времени. Никаких баталий, ничего такого. Мои показатели медленно ползли вверх, очки копились, но ничего интересного не происходило. Никакой движухи, знаете. Я даже подумал, что отсутствие динамики тоже своего рода испытание. Ведь я привык к жизни на пороховой бочке, а в спокойной и ровной обстановке мне становится скучно. А так и забухать недолго. Но да ладно, Настюха не дает мне заскучать. Нет-нет, а скандал устроит или выкинет нечто… обескураживающее.

Уже по привычке я открыл панель системы, чтобы глянуть на показатели:

Карма: 277.

Уровень: 5.

Монет ОК: 23.

Навыки: Разряд (7), Очистка (6), Щит (1), Видение энергий (5), Второе дыхание (3), Сила воли (10).

Вполне неплохо. Значения растут медленно, но верно.

И вот я валялся в своей кровати, закинув руки за голову, и размышлял обо всем этом. Под боком мурлыкал Васька, а Настюха вчера уехала в гости к своей матери, так что у меня образовалось немного времени, чтобы побыть с собой наедине. Хотя… надо было уже вставать и шуровать на работу. Время-то ого-го сколько.

Только я подумал, что пора раскачиваться, как услышал пилик телефона, что валялся на прикроватной тумбочке. Ну точно, Настюха что-то написала. Вспомнишь солнце — вот и лучик, епта. Я потянулся и взял в руки аппарат.

«Лапусик, скинь пж денежку на тушь. Помнишь, говорила тебе, что хочу сделать обзор на ту тушь, которая создает мокрый эффект? Она сейчас по акции просто, 450 рублей. Спасибо, люблю тебя».

Ну конечно, тут и гадалкой не нужно быть. Настюха! Я усмехнулся по-доброму и скинул ей бабки. Ну пусть развлекается, че мне, не жалко. Она так-то недорого мне обходится: пару тыщ в месяц на ее эту косметику я уж точно могу себе позволить. Пусть старается и выглядит хорошо, мне же от этого лучше будет.

Сел я, значит, на кровати, потянулся, похрустел костями и поднялся на ноги. Васька недовольно буркнул что-то на своем кошачьем, соскочил с нагретого места и тоже потянулся, сладко зевая. А потом важной походкой, с хвостом трубой, отправился на кухню прямиком к миске. Не, ну базара нет — пожрать утром святое.

Я насыпал ему корма, быстренько сделал зарядку и сходил в ванную. Умылся, принял контрастный душ, ну и все такое. Вот это житуха у меня теперь, конечно. Никогда бы не подумал, что к такому приду. После всех манипуляций я уселся на кухню завтракать. Приучил себя есть по утрам яичницу с колбасой и пить кофе. Ну прям как нормальный человек. После стольких лет завтраков, которые ограничивались парой банок пива или чего покрепче, такой прием пищи до сих пор, даже спустя год, казался неким роскошеством, да и просто чем-то необычным. Но мне нравилось.

Параллельно завтраку полистал всякие новости в телефоне, посмотрел погоду, поперепи-сывался с Настюхой. Любит она это дело — строчит, как из пулемета. Ваську погладил немного — таков наш обязательный утренний ритуал. Ну а потом собрался на работу.

— Пока, шкет. Смотри, веди тут себя хорошо, — сказал Ваське перед тем как выйти за дверь.

— Мяу, мяу, — ответил он.

Вот и поговорили. Уверен, он понял меня.

На улицу вышел в отличном настроении, как часто бывало, оказывается, в состоянии трезвости. Солнышко так приятно светило, пригревало, люди шли по своим делам. Вот и я шел, весело насвистывая какой-то мотивчик себе под нос. Нет, ну не жизнь, а песня.

Однако кое-что было не так, как обычно. И это кое-что здорово привлекло мое внимание. Я как раз проходил мимо старого продуктового ларька, где мы с Коляном когда-то брали пиво по пятницам, как вдруг заметил нечто странное. Сначала я даже подумал по старой памяти, что меня просто приглючило — ну, знаете, бывает такое, когда солнце слепит или усталость накатывает. Но нет, я отчетливо видел это.

Над ларьком, прямо над его «грустной» крышей, вилась тонкая черная нить. Она была почти прозрачной, как дымка, но при этом вполне реальной. Она тянулась от ларька куда-то вверх, к небу, а потом уходила вдаль, кажется, куда-то за город. Я замер на месте, провожая ее взглядом. А потом перевел глаза на соседний подъезд. То же самое — тонкая черная нить, тянущаяся от входа. На детскую площадку глянул — и там такая же.

Я даже присвистнул негромко от неожиданности. Все здание, прямо как паутина, было опутано этими черными нитями. Они были почти невидимы, но стоило сфокусироваться — и они проступали отчетливо. Как вены на старушечьей руке. Только черные.

— Да что за херня? — пробормотал я себе под нос.

И тут перед глазами, как по заказу, всплыла знакомая панель. Только на этот раз она светилась не привычным зеленым, а каким-то тревожным желтым:

Обнаружена сеть микро-Нодов.

Концентрация: низкая, но множественная.

Рекомендуется апгрейд сканера для детального анализа и отслеживания источника.

Стоимость: 10 ОК.

Примечание: сеть активна и имеет центральный узел.

Я стоял посреди улицы, выпучив глаза на эту надпись, и пытался переварить информацию. Микро-Ноды? Сеть? Центральный узел? Я же думал, что после того, как я завалил Гору и зачистил его жирный Нод, в Угрюмове почти не осталось негатива. Так, чисто мелочь залетная. А тут — вон оно что. Оказывается, я просто не видел раньше всю полноту картины. А теперь, судя по всему, система сочла, что мне пора переходить на новый уровень. Этих штук, оказывается, еще дофига и больше. Короче, пожили спокойно и хватит.

Ну, собственно, а чего еще следовало ожидать? Посредник вроде так и сказал, что то ли еще будет и это вопрос времени, когда опять мне придется браться за дело с новой силой. Хотя что уж тут лукавить, я и сам не прочь был уже заняться чем-нибудь интересным. Но слегка неуютно все же стало.

Я поежился, хотя утро было теплое. Надо было что-то делать. Ну не могу же я просто стоять и смотреть на это дерьмо.

Зайдя в свою каморку на заводе, я первым делом закрыл дверь и сел за стол. Никого не хотел видеть. Перед глазами все еще висела та желтая панель с предложением апгрейда. Десять монет ОК. У меня было двадцать три. Это половина всех накоплений. Тратить десять монет на какой-то апгрейд, когда я планировал их потратить на Разряд или Очистку — было стремно. Но с другой стороны, что толку от Разряда, если я даже не понимаю, с кем и с чем имею дело? Что толку от Очистки, если я вижу только верхушку айсберга?

— Ладно, хрен с вами, — сказал я пустоте. — Потрачу.

Я мысленно подтвердил транзакцию. Панель мигнула, десятка монет исчезла из моего инвентаря. Я почувствовал, как что-то щелкнуло внутри меня. Нет, не физически. Скорее, как будто в голове переключился какой-то тумблер. И мир вокруг стал другим.

Я моргнул пару раз.

Картина, которая открылась мне, была… впечатляющей, мягко скажем. Нет, это слово не передавало и десятой доли того, что я увидел. Эти нити были повсюду. Только теперь я мог разглядеть их намного четче. И не то чтобы картина перед глазами меня сильно радовала. Они были такие мерзкие, пульсировали, как жилы, и воздух вокруг них подрагивал. А еще теперь я мог как следует проследить, откуда у этой гадости ноги растут. Я поднялся из-за своего стола и подошел к окну. М-да, на улице их было пруд пруди. И все они, как одна, тянулись куда-то в сторону окрестностей. Стало быть, первое мое предположение по поводу «загородной вечеринки» было верным. Явно что-то нехорошее там происходит, в окрестностях, и это нечто обнимает Угрюмов, будто дитя — мягкую игрушку на ночь. Может, не очень корректное сравнение, но хрен с ним, суть понятна.

На секунду я попытался напрячь мозги и память, попробовал предположить, что же там за ерунда могла быть. Неужто сидит там какой-то деловой и злобный хрен вроде Горы и промышляет какими-то грязными делишками? Любопытно, однако. Короче, наверняка я знал только то, что с этим предстояло разобраться. И что-то так меня затянул мыслительный процесс, что чуть не забыл про работу, а ее между прочим много было.

— Ну и хрень, — протянул я вслух многозначительно сам себе.

И тут же услышал знакомый голос:

— Ну что, алкаш, видишь? Вот ждали мы с тобой, ждали. И, наконец, настоящая игра начинается.

Я обернулся. На подоконнике моей каморки сидел Шнырь. В своей неизменной кепке, с папиросой в зубах. Он смотрел на меня с хитрой усмешкой и в его маленьких глазах-бусинках плясали веселые чертики. Или не очень веселые, как посмотреть.

— Шнырь?! Подумать не успел, что с тобой перетереть надо, а ты уже здесь. Так скоро и посрать без тебя не сяду.

— Да у меня ж всегда чуйка срабатывает на разного рода движуху, как же я такое пропущу? — Он затянулся папиросой и выпустил колечко дыма. — А вообще, алкаш, открою тебе истину. Ты раньше меня частенько не замечал. А теперь, с новым сканером, видишь все. В том числе вот и меня, даже если я не хочу, чтобы ты меня видел. Это как подписка в каком-нибудь премиум-аккаунте.

— Че? Премиум че? — На секунду я отвлекся от основной темы беседы. Шнырь как выдаст ерунду какую-то. Настюха иногда тоже вроде таких фразочек выдает, как на другом языке балакают.

Шнырь устало махнул лапкой.

— Забей. Говорю, придется теперь прятаться тщательнее. Сканер у тебя новый, крутой.

Я решил не вдаваться в подробности. Но кое-что меня волновало куда больше.

— Ты знал об этом?! — Я встал из-за стола и подошел к окну. — Ну, что весь город опутан этими нитями?! И че ты молчал тогда?!

— Ой, не драматизируй, алкаш. Ну сказал бы, а что бы это изменило? — Шнырь лениво пожал плечами. — Я же тебе говорил, что система не дремлет. И Посредник намекал, что дальше будет сложнее. А тебе отдохнуть надо было, у тебя вон жизнь наладилась, бабки появились, Настюха, работа. Ты хоть чутка успокоился и расслабился. А так бы просто суетился без толку, но сделать бы ничего толком не сделал. Всему свое время. А вот сейчас можно сразиться с врагом.

— Какой враг? Кто это все создал?

— Да не знаю я пока, че пристал. — Шнырь затянулся и замолчал на секунду. — Но к бабке не ходи, это не просто так. Ноды не сами собой появились, их кто-то создает в промышленных масштабах. И этот наш злодей где-то там. — Шнырь мотнул головой в сторону окна. — За городом сидит себе и плетет свою паутину, кормится энергией жителей нашего Угрюмова и соседних городов.

— Так. И что мне делать? — Я посмотрел на Шныря, пытаясь найти в его глазах ответ.

— Ну ты че, забыл, что ли, все, память как у рыбки? Что мы обычно делали, алкаш? — Он усмехнулся и спрыгнул с подоконника. — Нужно идти и мочить Ноды. Другого не дано. Только теперь их много, и они везде. Но это ладно, уже мелочь. А вообще надо нам найти источник как можно скорее и уничтожить его.

Он замолчал, докурил папиросу и раздавил ее о подоконник. А потом исчез. Просто растворился в воздухе, оставляя после себя привычный запах мяты и дыма.

Я остался один в своей каморке. Стоял и смотрел в окно на город, который сейчас видел иначе, чем еще пару часов назад. Черные нити тянулись отовсюду и уходили за горизонт.

— Вот так и начинается новая игра, — пробормотал я.

Я выдохнул, поправил воротник рубашки, сел за стол и открыл панель.

Карма: 277.

Уровень: 5.

Монет ОК: 13.

Навыки: Разряд (7), Очистка (6), Щит (1), Видение энергий (5), Второе дыхание (3), Сила воли (10).

Пришло время готовиться к чему-то по-настоящему серьезному. Ну и хрен с ним, прорвемся.

Глава 2. Паутина Угрюмова

В общем, Ноды Нодами, а работу, сами понимаете, никто не отменял. Тем более что не прошло и получаса, как я пришел в свою каморку и ко мне залетел Пашка с выпученными глазами и таким видом, будто натурально наложил в штаны. Дышал еще так тяжело, будто запыхался после нескольких километров утренней пробежки. Мысли про всякие там мистические серые нити быстро улетучились из головы. Стало понятно — жопа какая-то на заводе произошла.

— Алек! А-а-а-лек, — заикаясь, начал он, — Алек. Там Егорову Саньку плохо стало. Он… он дверь-то поднял и потащил, а потом… а потом… а потом…

— Ну, что потом? — не выдержал я.

Пашка громко сглотнул.

— А потом он повалился и давай корячиться на полу, пена изо рта. А еще дверь эта на него упала… — Пашка схватился обеими руками за волосы, продолжая причитать себе что-то под нос.

Я там чуть на месте не помер, аж в глазах потемнело. Санек здоровый мужик, квадратный такой, чуть ли не два на два метра. Но дверь, очевидно, тяжелее. Страшно представить, какие увечья могла ему нанести эта железяка. Я тут же подорвался со своего места и кинулся к выходу. Паша засеменил за мной.

— А чего же он упал-то, а, Пашка? — по пути бросил я.

— Да я ж не знаю, Алек. Упал и все. У него как эта началась… как ее там, — в панике Пашка позабыл все слова, — эпилепсия или вроде того.

— Вот алкаш, — сквозь зубы процедил я и ускорил шаг. — Скорую-то вызвали? Колян на месте?

— Да, вызвали. И Колян там, рядом.

Ну хоть что-то. Я чуть выдохнул. Обычно не называл никого алкашами, потому что и сам таким не так уж давно был, но сейчас само вырвалось. Санек вроде нормальный парень сам по себе, но нет-нет, а прибухивает. Я на работе за этим делом его не замечал, но во дворах, бывало, встречал в стельку. Я ему сто раз говорил, что ничего хорошего от синьки не будет. Так и случилось.

В общем, прибежал я в главный цех на место происшествия, а там, разумеется, работа остановилась. Колян с Саньком возился как с ребенком, Сан Саныч нервно блуждал по помещению туда-сюда, вокруг все носились и что-то болтали. Санек вроде уже в конвульсиях не бился, но валялся на полу без сознания. Я подлетел к нему и Коляну, сидящему рядом.

— Ну, че он? — как можно спокойнее спросил я.

Колян бледный был как альбомный лист, повернулся на меня и посмотрел с таким бешеным страхом в глазах, что мне самому еще страшнее стало.

— Да черт знает что, Алек. Чуть сам от страха не помер, но вроде все более-менее. Скорую вызвали, дышит. Дверь только руку ему придавила. Максимум — перелом какой-нибудь, минимум — ушиб. Но дышит вроде, обошлось, — осторожно ответил Колян.

Я осмотрел Санька, проверил пульс. Жить будет. Ребята молодцы, сориентировались быстро и повернули на бок голову Саши. Главное, что судороги кончились. Скорая приехала быстро. Мы с мужиками помогли тушку Санька загрузить в карету скорой помощи. Там его быстро взяла на контроль медсестра. Что-то там над ним поколдовала, на какие-то приборы посмотрела и озвучила предварительное заключение: алкогольная эпилепсия, говорит. Уже не первый случай за последние пару недель. Прямо, говорит, напасть какая-то.

Пока она хлопотала с Саньком, водила скорой вышел перекурить. Мы с мужиками чуть ли не всем заводом тоже закурили. Грех не закурить после такой херни.

Не успел я толком отдышаться, как телефон в кармане завибрировал в очередной раз. Уже раз пятый за время, пока я разговаривал со Шнырем, а потом и пытался разобраться в истории с Саньком. Тут даже вангой не нужно было быть, чтоб понять — Настюха шпарила сообщения. Опять недовольна будет, что не отвечаю ей по первой ее хотелке. Я достал телефон и постарался вчитаться в парочку посланий. Там было что-то вроде: «Котик, приехала домой от ма, ты сегодня во сколько придешь, какое кино смотреть будем?» А потом каждые десять минут: «Эй, лапуль, ты чего там, совсем про меня забыл?», «Зай, как думаешь, красное или черное платье заказать? Посмотри, пожалуйста, ссылочки скинула», «Алек, ты задолбал игнорить, каждый раз одно и то же». И вот сейчас еще одно пришло: «Ладно, прости, зай, что-то вспылила…».

Да еб твою мать. В моменте я вспыхнул от гнева. Ну разорваться мне, что ли? Попутно Саныч еще что-то обсуждал с Коляном и другими мужиками в курилке. Что-то про паленую алкашку. Я хотел бы поучаствовать в дискуссии, но начал печатать ответ Настюхе. Однако и это мне не удалось завершить, как рядом со мной заговорил мужик, который за баранкой в скорой был.

— М-да уж, — пробубнил водила, обращаясь ко мне, — за последнее время что-то участились у нас случаи отравления сивухой всякой. Вы это, смотрите в оба за своими сотрудниками, а то у вас на заводе работяги, а это контингент такой, сами понимаете. Так сказать, наиболее рискам подверженный.

Я не успел допечатать сообщение Настюхе, но решил бросить это занятие, мысленно отмахнулся, заблокировал телефон и сунул его в задний карман штанов. Вместо этого я затушил сигарету и посмотрел на водилу.

— Слышь, а че за эпидемия такая? Я сколько бухал раньше — вроде так поголовно никто не травился никакой сивухой. Бывало, конечно, кто-то перебирал, но чтоб прям массово — такого не припомню. И уж тем более чтоб с эпилепсией этой, алкогольной.

Водила хмыкнул, затянулся и выпустил дым в серое небо. Взгляд у него стал таким задумчивым и глубоким. У, думаю, сука, хоть в фильмах снимайся.

— Да мы и сами не знаем, мужик. Только догадки некоторые имеются. Похоже, кто-то барыжить начал совсем хреновой какой-то отравой. Дешевой, дрянной и опасной. Потерпевшие наши говорят, что покупали это не в магазах. Кто-то на дому гонит, из рук в руки продает. Ну мы особо не вдавались, если честно. Нам-то что, мы люди маленькие, а этим менты должны заниматься. У нас свое дело — людей спасать.

Ох, хотел я его расспросить поподробнее, но тут из машины высунулась медсестра и крикнула:

— Василич! Хватит курить, поехали! В больницу нужно, пока пациент не очухался. А то еще буянить начнет, вот весело будет.

Водила бросил бычок на асфальт, затоптал его и развернулся ко мне.

— Все, бывай, начальник. Держи ухо востро, а то не дай бог еще кто на твоем заводе от этой дряни накроется. — Он уже залезал в кабину, но на прощание добавил: — Саньку вашему повезло. Могло и хуже кончиться.

Скорая уехала, мигая синими огнями и разгоняя редких прохожих. Мы с мужиками еще постояли покурили. Сан Саныч тяжело вздохнул, почесал затылок и сказал:

— Ладно, мужики. Развод по местам. Работать надо, а не языками чесать. Егоров выйдет — разберемся. А вам лишний урок будет, чтоб дрянь всякую не бухали. Могла ж и на тот свет Санька отправить эта синька.

Мужики засобирались обратно в цех. Кто-то еще обсуждал случившееся, и я попытался прислушаться к разговорам, чтобы выловить хоть какую-то сплетню о том, где Санек мог взять эту паленую сивуху. Но народ у нас теперь был умеренно бухающий, и если уж они и покупали бухло, то исключительно в магазинах. Никто из наших по сомнительным точкам не шастал.

А раз так — значит, Санек эту дрянь где-то на стороне тяпнул. Может, во дворе, может, у знакомых. Или в той же рюмочной, где Кривой с Ржавым ошиваются.

Я призадумался, пока шел обратно в цех. Что-то крутилось в голове, какая-то мысль, которую я никак не мог ухватить. Но одно я понимал четко: надо бы разобраться, кто это народ наш травит и гонит такой самогон. Люди страдают, а кто-то на этом бабки делает. Нехорошо.

До конца рабочего дня я пахал как проклятый. Нужно было разобрать накладные, проверить поставки, да и просто держать руку на пульсе после этого происшествия. В перерывах я пытался общаться с Настюхой. Писал ей короткие, но теплые сообщения, ставил смайлики, пытался угадать, что она хочет услышать. В общем, как мог старался общаться на ее языке, хотя подгарало у меня знатно. Ну вот только этой херней мне еще заниматься. А делать было нечего, это самый простой вариант избежать нагоняя. Я ж прекрасно прохавал: если не ублажу ее вниманием как следует, вечером сожрет с говном.

«Лапусик, все хорошо. Я на работе, у нас тут ЧП случилось, мужику плохо стало. Отвечу позже», — написал я в надежде, что она поймет.

«Ой, какой ужас! А с кем? А что случилось? Ты как?» — тут же прилетел ответ. Ну хоть не упрекнула в игноре. Но следующие сообщения пошли уже по накатанной: «Ты сегодня во сколько? Я же хотела кино посмотреть с тобой! И платье так и не выбрала!» И так далее, и тому подобное. М-да. Весело.

Наконец рабочий день закончился. Я уже вышел за проходную, когда в кармане завибрировал телефон. На этот раз звонила мама, а не Настюха, так что я аж вздохнул с облегчением.

— Алло, мам?

— Алек! Сынок! — голос ее был таким счастливым, что я даже улыбнулся, несмотря на усталость. — Ты не представляешь! Мне привезли и установили посудомоечную машину! Я уже попробовала ее, представляешь? Закладываешь туда грязную посуду, нажимаешь кнопку — и она сама все моет! Это просто чудо техники, Алек! Я даже не думала, что так бывает! Спасибо тебе, сынок!

Я слушал ее и чувствовал, как внутри разливается тепло. Вспомнил, как еще год назад она жила в старой хрущевке с прогнившими трубами и облезлыми обоями. А теперь — новый ремонт, новая техника, и она счастлива.

— Мам, я рад, что тебе нравится. Ты всем там довольна?

— Ой, Алек, я так довольна! — Она засмеялась, как девчонка. — И Семен сегодня придет, мы будем ужинать. Он тоже хочет посмотреть на нее в действии. А как у тебя дела? Ты как? Не перерабатываешь?

— Все хорошо, мам. Работаю, как обычно. — Я уже шагал через парк, сжимая телефон в руке. — Вы там с Семеном не скучайте. Я заскочу на днях.

— Хорошо, сынок. Ты главное береги себя. И передавай привет Настюше!

— Передам, мам. Целую.

Я сбросил вызов и заметил пропущенный от Настюхи. И еще одно сообщение. И еще одно. Восемь штук за последние полчаса. Я хотел было набрать ее, но вдруг заметил Шныря. Он сидел на спинке лавки прямо в центре парка и курил свою неизменную папиросу. В свете уходящего дня он казался почти реальным.

Я быстро написал Настюхе: «Занят, позвоню позже». Сбросил ее очередной звонок и сунул телефон в карман, а потом подошел к Шнырю.

— Ну, что ты там вынюхал? — спросил я, усаживаясь на лавку рядом.

Шнырь затянулся, выпустил колечко дыма и посмотрел на меня хитрыми глазами.

— А ты, алкаш, не торопись. Прям тебе так все с порога и доложи. Хорошие новости любят тишину и покой. Но вообще, я пронюхал кое-что по своим каналам. — Он понизил голос до заговорщицкого шепота. — Ходят слухи, что эта сеть Нодов неспроста. Помнишь Гору? У

него Нод сам собой вырос из-за его же злобы и боли. А здесь все иначе. Здесь кто-то эту сеть создает специально. Управляет ей. Кормится через нее. И делает это вполне осознанно.

— То есть, это не случайность? — переспросил я. — Кто-то сидит и специально плетет эту паутину?

— Именно так, алкаш. И этот кто-то явно знает, что делает. Обычный человек такую сеть не создаст. Здесь нужны знания. Или помощь. — Шнырь затянулся и замолчал на секунду. — Но кто это — пока непонятно. Мои информаторы говорят, что следы ведут куда-то за город. В сторону Тухли.

— Тухля? — Я нахмурился, потому что был уверен, что в Тухле уже давно отсутствуют признаки какой-либо жизни.

— Ага, — деловито подтвердил Шнырь.

Тухля, значит. Ну слыхал я про это местечко, ничего особенного вроде. Небольшая полузаброшенная деревенька. Вроде как самая окраина Угрюмова. Да таких в окрестностях пруд пруди, она вымерла практически и никто там толком не жил уже. С одной стороны, откуда бы в таком месте взяться какому-то серьезному злодею, который еще и с толком подходит к делу? А с другой — так оно ж идеально для подобного подходит. Сиди себе там, твори свои грязные делишки и не отсвечивай. Все равно туда никто не сунется. Даже за деньги. Любопытно. Но тяготило меня еще кое-что.

— Сегодня на заводе мужик один у нас свалился с припадком. Скорая сказала — отравление паленой сивухой. А водила скорой упомянул, что последнее время таких случаев много. Кто-то гонит дешевое пойло и травит людей. Теперь я хочу найти того, кто это делает.

Шнырь ухмыльнулся и спрыгнул с лавки.

— Ну что ж, алкаш, у тебя теперь аж две задачи. Первая — найти источник Нодов. Вторая — найти самогонщика. А я допускаю, что это вообще может быть одно и то же дело. Как говорила моя бабка — куда иголка, туда и нитка.

Я аж выпал из своих важных дум. Вот умеет же Шнырь удивлять. Я глянул на него.

— У тебя че, бабка была, что ли? — глуповато спросил я.

Шнырь посмотрел на меня как на идиота.

— Ну а ты думаешь, я откуда взялся? Отпочковался, что ли, от другой призрачной говорящей крысы? Ну голову включай, алкаш. — Он махнул на меня лапкой, будто вещи более очевидной в этом мире быть не могло, а я вообще ерунду сморозил.

Я хмыкнул и уставился перед собой. Как-то раньше не задумывался вопросом о происхождении Шныря и его родословной, а теперь задумался. Но быстро пришел к выводу, что оно мне не надо. Мой друг — крыса-приведение, что само по себе странно. Не думаю, что стоит углубляться в его лор.

— Логично, — просто ответил я, хотя это вообще последнее слово, которое можно было ляпнуть в данных обстоятельствах.

Шнырь лишь согласно кивнул, а потом докурил папиросу, раздавил ее о спинку лавки и был таков.

Я посидел еще минуту, переваривая услышанное. Потом поднялся и пошел домой. По дороге достал телефон. Настюха прислала уже пятнадцать сообщений. Последнее было коротким: «Ты где?? Я жду уже час!».

Я вздохнул и ускорил шаг. Настроение было уже не таким хорошим, как утром.

Дома меня ждал скандал. Точнее, скандал меня ждал прямо у дверей квартиры. Потому что, хвала высшим силам, ключи от своей квартиры я Настюхе не оставил — хватило мозгов, но что толку, если она жила этажом выше. Ей ничего не стоило каждый раз спускаться вниз и поджидать меня как какой-то маньячке прямо на лестничной клетке. И этим своим правом она пользовалась очень активно. Если скандал сам не шел к Настюхе, то Настюха шла к скандалу. Она стояла, скрестив руки на груди, и все в ее облике кричало о крайней степени недовольства

мной. Видок у нее, в общем, был такой, будто я опоздал на нашу с ней свадьбу. Ну, думаю, ща начнется жара. Кажется, я заранее даже устал еще сильнее.

— Алек, ты где шлялся? У тебя там бабы какие-то на заводе твоем? Ты вообще понимаешь, что я тебя ждала? Я у матери была почти два дня, соскучилась. Так с тобой хотела провести вечер, а ты вообще домой не спешишь, — начала она даже без разгона. — Я что, блин, так много прошу, что ли? Я хотела кино посмотреть! И по поводу платья можно было ответить! Это дело пяти минут! Пяти минут, Алек! Ты ведь знаешь, как это важно для меня, но весь день меня игнорировал, даже не отвечал нормально! А теперь еще и опоздал на час!

Я попытался объясниться, хотя понимал, что дело — дрянь:

— Настюх, ну че опять началось-то, а? У меня на заводе мужик в конвульсиях свалился, скорая приезжала, какие там платья и переписки…

— Вот! Опять! Так я и думала, ты всегда так! Знаешь, как это называется? Обесценивание моих чувств и газлайтинг! Я смотрела психологов, Алек, я не тупая! Ты вечно меня абьюзишь! — заверещала она не своим голосом.

Я опешил, уставившись на нее. Опять двадцать пять. Это еще что за новые слова? Только выучил, что такое обзоры, распаковки, рилсы, шортсы и прочая ерунда, как опять что-то непонятное. Ну что ты будешь делать?

— Газ… что? — пробубнил я. — Настюх, я ниче не понял. У меня, говорю, мужик там чуть не умер…

Ну Настюху уже несло, как маршрутку на последнем рейсе — опасно и без остановок.

— Да мне плевать на твоего мужика! — перебила она. — На все у тебя есть оправдания, и всегда ты выбираешь работу вместо меня! Я устала быть на втором месте!

Мы поругались. Кричали друг на друга. Она плакала, я сжимал кулаки и пытался не сорваться на крик. Но потом она вдруг подошла, обняла меня и сказала:

— Прости, зай. Я просто соскучилась. Ты же знаешь, я без тебя не могу.

И я простил. Потому что она была красивая и от нее пахло сладкими духами. А еще с ней я мог забыть про Ноды, черные нити, паленую брагу и про то, что меня ждет какая-то новая война.

Мы помирились быстро, как всегда. Вечером мы лежали в кровати. Настюха уже спала, свернувшись калачиком у меня под боком. Ее волосы щекотали мне плечо, я поглаживал ее по спине.

А потом я закурил сигарету и попытался собрать мысли в кучу, чтобы подвести хоть какой-то итог сегодняшнего дня. Однако долго думать не стал, потому что все равно не мог сложить картинку воедино.

— Ну и хрен с ним, — прошептал я в темноту. — Разберусь.

Я затушил сигарету и закрыл глаза. Настюха что-то пробормотала во сне и прижалась ближе. Васька тоже мяукнул на своем и устроился в ногах. Я приподнялся, потрепал котяру за ухом, а тот довольно замурлыкал и сладко зевнул, намекая, что пора прекращать париться по всяким важным делам и отходить ко сну. Я решил не спорить, поэтому завалился на подушку, обнял Настюху и уснул.

Глава 3. Поиск источника

Весь следующий день на работе у меня свербило в одном месте. Иной раз создавалось ощущение, будто я закинул в трусы полстакана муравьев, и они решили устроить там съезд партии. Нет, я, конечно, так никогда не делал, чтобы утверждать наверняка за ощущения, и тем не менее именно такая метафора крутилась в башке. Метафора же, правильно? Вроде из школьной программы помню это слово, по смыслу подходит, кажется. Ну да ладно, вечно меня несет в размышления о какой-то бесполезной херне.

Короче, сосредоточиться мне было крайне сложно. А работать все так же нужно, моментами еще и больше, чем обычно. Я ж теперь был человеком серьезным на производстве, приходилось бдить за всем процессом, тупить нельзя. Так что ходил, раздавал всякие указания да смотрел, чтоб все делалось нормально. А в промежутках между этим еще по классике жанра Настюхе отвечал. И вроде бы и без того режим многозадачности и башка кипит, но мысли про всю эту мутную ситуацию с самогоном, почти смертельными отравлениями и прочей лабудой не покидали меня. Потому что слишком много всяких странных моментов было в этой истории. То, что мы обсуждали со Шнырем, вчерашний припадок Санька и эти слова водилы из скорой о том, что по всему Угрюмову участились случаи жесткого отравления паленой сивухой. Кто-то снабжал народ какой-то дрянью, и чую я, это дерьмо было связано с черными нитями Нодов. А может и не было, ладно. Я не Ванга. Но разобраться нужно, и чем быстрее, тем лучше.

Так что я прямо-таки с трудом дожидался, пока смена моя закончится. И как только прозвучал спасительный гудок, я даже переодеваться до конца не стал. В общем, накинул я куртку прямо на рабочий прикид, да и вылетел пулей за проходную. А там, долго не думая, чесанул в «Аншлаг». Ну, в ту самую легендарную рюмочную, в которую ни один нормальный человек в здравом уме не сунется. Ну теперь-то я шел туда по делу, а не бухать, хвала системе.

В рюмочной мне нужно было нечто конкретное. Точнее, пару конкретных нечто, которые я сильно рассчитывал там встретить в этот чудесный вечер среды. Как только я переступил порог заведения и окинул его грустную атмосферу взглядом, сразу выцепил две знакомые фигуры, расположившиеся на привычном месте за дальним липким столиком. О да, это были Кривой и Ржавый. Они там сидели так стабильно, будто их туда цементом примонтировали еще при советской власти. Мне кажется, их можно было заслуженно считать предметом интерьера этого страшного места. Как прописались, честное слово.

Я подвалил к их столу, грохнул ладонью по столешнице, отчего стаканы с мутной жидкостью испуганно подпрыгнули, и сразу взял быка за рога:

— Здорово, орлы. Короче, пацаны, такой вопрос. Вы тут народ опытный, по местным помойкам шастаете, все на свете знаете. Не слыхали чего про брагу паленую? Слыхал, сейчас народ пачками косит, люди падают и бьются в конвульсиях, изо рта еще пена идет.

Кривой аж поперхнулся своим напитком от услышанного. Уж не знаю, что конкретно его так удивило. Он громко закашлялся, вытирая грязным рукавом свою чумазую физиономию. А вот Ржавый покосился на меня мутным, но на редкость всепонимающим взглядом мудрого старца.

— Опа, ты глянь, какие люди, сам начальник завода пожаловал, — хмыкнул Ржавый, почесывая небритую щеку и обращаясь к Кривому. — Че, Алек, неужто самогонщика ищешь?

Он уставился на меня вместе с Кривым в ожидании ответа.

— Нет, блин, решил нажраться паленой синьки и словить припадок, — не сдержался и съязвил я.

Ржавый с Кривым переглянулись, и все в их реакции говорило о том, что юмора они не поняли. Скорее восприняли мое высказывание за чистую монету и не знали, как на это

реагировать. Вот же синька, насколько убивает мозг и все человеческое в человеке. Страшно вспомнить, что я и сам такой раньше был.

— Да епта, ищу самогонщика, да. У меня на заводе человек чуть не откинулся из-за этой браги, а оно мне надо? Еще не хватало присесть из-за какого-то идиота, который себя великим самогонщиком возомнил. Так что, есть информация какая?

Кривой и Ржавый снова переглянулись. Казалось, им чуть полегчало. Однако они все еще были в замешательстве и, кажется, общались телепатически. Один подумал, на другого глянул, тот то ли понял, то ли нет, но кивнул. Что там в их воспаленном мозгу творится — хер разберешь. Мне они, кажется, не сильно-то доверяли, поэтому говорить им явно не хотелось.

— Ну да, есть такое дело, травится народ. Да мы-то откуда, по-твоему, знаем, кто гонит? Мы ж совсем-то сивуху не бухаем. Ну, стараемся не бухать, по крайней мере. А это что-то совсем уж непонятное народ глушит. А откуда берут — хрен проссышь, — ответил Ржавый.

— Ну да, — охотно поддакивал Кривой, скаля желтые зубы, — тут же как, даже травиться с умом надо. Мы вот если и бухаем, то исключительно по классике идем, пьем проверенную синьку, так сказать.

— Ну допустим, вы не пили эту отраву. Но чтоб прям не знаете, как выйти на того, кто гонит? Ну сомневаюсь я. Вам там наверняка по своим каналам слухи какие долетали.

Они снова переглянулись и почти синхронно пожали плечами.

— Да мы как-то и не думали особенно об этом и не обсуждали ни с кем. Не, ну если прям подумать, то можно, наверное, кое-кого вспомнить… — протянул Ржавый.

— Ты про того? Который там? — подхватил Кривой.

— Ага. Про него. Ну а про кого еще? — деловито закивал Ржавый.

Надо сказать, я был восхищен их диалогом. Вот так слушаешь со стороны — и ни слова по существу вроде сказано не было. Но, черт возьми, они же прекрасно понимали друг друга. Коллективный алкашеский мозг, не иначе. Вот если б бухать не бросил, то без лишних вопросов, наверное, присоединился бы сейчас на общую волну, и делов-то. Но нах оно мне надо. Ладно, пока я предавался своим пространным рассуждениям, эти двое умолкли и потупили взгляд каждый в свой стакан.

Я же, не выдержав их театральной паузы, прямо в лоб задал уточняющий вопрос:

— Слышьте, а Тухлю же знаете? Может, там кто из местных этим грязным делом промышляет? Ну-ка, напрягите извилины, если они у вас остались.

Кажись, нащупал что-то, потому что при упоминании Тухли Кривой и Ржавый снова переглянулись. В их пьяных глазах на секунду мелькнуло нечто похожее на удивление.

— Тухля? — протянул Ржавый. — Ну а че тут думать. Если про Тухлю говоришь, то понятное дело кто. Есть там один цыган Михай, он обосновался со своим табором и гонит самагон. Мы там не бывали, но мужики поговаривают, что у Михая этого домашнее производство налажено. Короче, хоть цистернами вывози. А самогон дешевый, сука, злой, шибает в голову с полглотка. Мы с Кривым разок пробовали… живые, конечно, ниче такого, но приятного мало. Утром болеешь с него намного сильнее, чем обычно.

— Во-во, — подхватил Кривой. — Пойло жуткое…

Я слушал их, а в голове уже выстраивалась вполне себе четкая картинка. Значит, цыган Михай из Тухли. Вот тебе и пазл сошелся.

В этот момент в кармане завибрировал телефон. Я вытащил аппарат — экран так и полыхал от Настюхиных уведомлений. Да что ты делать будешь?

«Ты где шляешься?! Я, блин, ужин приготовила! Жду тебя дома, давай быстрее!» — гласила свежая эсэмэска. А за ней, естественно, прилетела и третья, и четвертая…

Только я хотел многозначительно закатить глаза, как осознание написанного Настюхой дошло до меня в полной мере.

Я моргнул, глядя на экран. Настюха — и приготовила ужин? Это что за новости с полей? Это типа угроза такая или че? Я озадаченно почесал затылок. Она же к плите и кастрюлям относится примерно… никак. Да как-то даже брезгливо, я бы сказал. Да и последний раз, когда она пыталась сварганить что-то сложнее пельменей из пачки, чуть пожарную машину не пришлось вызывать. Но ладно, раз ждет — надо двигать домой, иначе вынос мозга будет гарантирован на всю ночь.

Я бросил парочку сотенных на липкий стол перед Кривым и Ржавым:

— Нате, пацаны, возьмите себе закусь хоть какую за информацию.

Те тут же загребли купюры с радостным повизгиванием. Я же развернулся и быстрыми шагами направился к выходу из «Аншлага». Ну ладно, день был прожит не зря. Теперь , что с этим цыганом Михаем из Тухли нужно будет разобраться в самое ближайшее время — тянуть дальше было просто опасно, город реально задыхался в этой черной паутине.

Шел я домой быстрым шагом, попутно пытаясь сформулировать ответ Настюхе, но телефон снова звякнул, извещая о новом сообщении. Я глянул мельком, Настюха настойчиво просила меня зайти к ней на разговор. В общем, дорога до дома пролетела на удивление быстро.

Поднявшись на этаж Настюхи, я дернул за ручку двери, которая была любезно открыта специально для меня… И в нос мне тут же ударила мощнейшая, плотная волна гари. Не-не, это было даже сложно назвать простым запахом подгоревшего. Это была конкретная такая удушливая вонь сгоревшего теста и испорченного ужина. Из квартиры Настюхи — вернее, из прихожей, куда она меня тут же затащила — тянуло так, будто там сожгли небольшую фабрику по производству резиновых изделий.

На пороге стояла сама Настюха. Вид у нее был слегка растрепанный, фартук накинут поверх короткого розового платья с рюшами, лицо недовольное, губы надуты так, что хоть чайник кипяти.

— Ну наконец-то пришел! — с порога накинулась она на меня, уперев руки в боки. — Я тебя жду-не дождусь, между прочим, уже битый час! Ты где пропадал? Опять на своем заводе с мужиками трепался?

— Настюх, давай без истерик, — попытался мягко сгладить углы я. — На работе завал был, сама понимаешь. А у тебя чем это так несет? У тебя там что, горит что-то?

Она тут же изменилась в лице, попыталась сделать максимально милые и невинные глазища и заискивающе улыбнулась:

— Ой, да пустяки! Я просто… решила тебе сюрприз сделать. Пирог пекла! Нашла какой-то классный рецепт в интернете, между прочим. Ну, хотела порадовать любимого человека, чтобы ты пришел с работы, а дома — ужин, уют, домашняя выпечка… И все получилось, просто я его чутка… ну, самую малость передержала в духовке.

Она схватила меня за руку и поволокла на кухню. Перед моими глазами предстала картина маслом, что называется: на столе красовалось нечто угольно-черное, обгоревшее до состояния древнего артефакта.

— Вот! — гордо заявила она, хотя по глазам было видно, что она сама не в восторге от содеянного. — Смотри! Я очень постаралась, чтобы получилось вкусно. Думаю, не так уж важно, что корочка немного темноватая получилась, внутри все пропеклось! Надо есть!

Я посмотрел на этот «кулинарный шедевр», потом на Настюху, которая смотрела на меня с надеждой и вызовом одновременно. Каждая частичка моего сознаня была решительно против, чтобы я пихал эту штуку в себя. Разум протестовал. Но было кое-что еще: спорить и качать права совершенно не хотелось. Я чувствовал себя настолько вымотанным за этот бесконечно долгий день. Не хотел лишний раз Настюху выбешивать, честное слово.

— Ну… главное же — внимание, Настюх, — осторожно промямлил я, стараясь выдавить из себя самую милую улыбку, что имелась в моем арсенале.

Я взял нож, с трудом отпилил кусок этой катастрофы. На секунду я подумал, что, может, стоит предложить Настюхе хотя бы срезать гарь? Однако глянув на нее, сразу стало понятно, что лучше бы мне помалкивать и жрать. Она и без того не сильно-то мной сегодня довольна. Если еще и выпендриваться начну... В общем, ничего хорошего не будет. Так что я зажмурился и запихнул кусок в рот. Жуя сие творение, я едва сдерживал слезы. Первый раз пробовал пирог со вкусом гари, угля и горького разочарования.

А Настюха, пользуясь моментом, тут же уселась напротив и затянула свою любимую пластинку:

— Вот видишь, Алек! Я же правда стараюсь, все для тебя. И я же ничего не прошу взамен. Ну, почти ничего. Мне от тебя нужно по сути только внимание и забота. А ты мне вечно уделяешь так мало времени… Потому что ты вечно на работе, вечно куда-то бежишь, вечно занят своими делами на заводе или еще где-то…

Она продолжала пилить меня своим звонким голосом, выдавая очередной эмоциональный выговор о том, что я плохой парень, что внимания ей достаются крохи и что нормальные мужики ведут себя совсем по-другому. Я сидел, медленно давясь обугленным пирогом, слушал этот бесконечный бубнеж и отчетливо чувствовал: все, приплыли. Я уже основательно подустал от этого дерьма.

Но стоило мне только мысленно взвыть от тоски, как Настюха, заметив мое кислое лицо, резко сменила тактику. Всплеснув руками, она соскочила со стула, подбежала ко мне, обвила руками шею и проворковала самым сладеньким голосом:

— Ну все, зай, не дуйся. Я же любя. Хочешь, я тебе кое-что покажу?

Не дожидаясь моего ответа, она стремительно метнулась в спальню, а через пару минут вернулась оттуда в совершенно новом, сногсшибательном черном кружевном белье... Все ее достоинства — длинные ноги, округлые бедра и шикарная грудь — теперь были выставлены напоказ в самом выгодном свете.

Я глянул на нее, потом на остатки обугленного пирога на тарелке, мысленно взвесил все за и против… и подумал, что, в общем-то, жизнь не так уж и плоха. По крайней мере, в этот конкретный момент все было не так уж и безнадежно.

Мы забыли про ссору так же быстро, как и начали ее. А что касается того самого цыгана Михая из Тухли и его паленой браги — ну, с ним я твердо решил разобраться на днях. Время пришло.

Глава 4. Выходной

Проснулся я от того, что кое-кто настойчиво елозил ладонью по моей груди. Сначала я даже не понял, что происходит, потому что спал, что называется, как убитый. Впрочем, довольно быстро я взбодрился и до меня дошло, что это Настюха была. Ну а кто же еще? Она уже не спала, а лежала рядом, опершись на локоть, и смотрела на меня своими огромными глазищами, хлопая ресницами. Улыбка у нее была такая… ну, вы знаете, вот если бы кошка могла улыбаться, когда смотрит на сметану. Как в воду глядеть, что-то ей от меня надо.

— Доброе утро, зай, — проворковала она томным голоском, выписывая некие узоры пальчиком по моей груди. — Как спалось?

Я проморгался, глянул на часы на прикроватной тумбочке. Половина десятого. Суббота. Выходной. Один из немногих дней в неделю, когда у меня был шанс выспаться и заняться своими делами. Мог бы вполне поваляться еще часок. Но судя по тому, как Настюха смотрела на меня, выспаться мне не дадут. И вообще, я уже начинал подозревать, что выходные придумали не для отдыха, а для того, чтобы Настюха могла в полной мере реализовать свой творческий потенциал по части выноса мне мозга.

— Доброе, — протянул я, зевая и пытаясь прикинуть, как бы так аккуратно выбраться из кровати и свалить по-быстрому.

Но Настюха была проворнее. Она прижалась ко мне всем телом, обвила рукой шею и начала целовать куда-то в район ключицы. От нее пахло ее сладкими духами, что было приятно, спору нет. Но я-то прекрасно знал, что за этими милыми объятиями последует. Сначала нежность, потом томные вздохи, потом она начнет строить планы на день: «Зай, а давай сегодня никуда не пойдем, полежим, посмотрим кино, закажем пиццу… а может вечером я приготовлю что-нибудь вкусное…»

А при слове «приготовлю» меня, если честно, уже передергивало. Она еще не успела это озвучить, но я знал, что к этому придет. Что-то ее переклинило знатно, и в последнее время она заладила с этой готовкой. А я вспомнил вчерашний пирог. Кажется, у меня до сих пор во рту стоял привкус гари. Нет, ну нельзя же так. У человека либо есть талант к готовке, либо его нет. Вот у Настюхи его не было совсем. И это еще мягко сказано.

— Настюх, — начал я осторожно, пытаясь отодвинуться, — слушай, у меня сегодня дела вообще-то есть…

Она тут же отстранилась и надула губы. Ну точно ребенок, которому не купили игрушку.

— Какие еще дела? Сегодня же суббота! Выходной! Ты обещал, что мы проведем время вместе! — Голос ее уже начал повышаться на пару октав, и я понял — сейчас начнется.

Я глубоко вздохнул. Ну вот опять. Каждые выходные одно и то же. Она хочет, чтобы я весь день принадлежал только ей, лежал с ней в кровати, смотрел ее ролики и выбирал, какое платье ей купить и всякие прочие штуки. То есть, совершенно бестолково проводил время. А у меня, блин, жизнь есть. И эта жизнь не ограничивается ее капризами.

— Насть, ну правда дела. Вот нахера мне тебя обманывать? Мне надо съездить… ну, кое-куда, — постарался пояснить я как можно мягче и отвлеченнее. — Я ж вечером все равно вернусь, ты знаешь. И поваляемся, платья твои посмотрим, про помаду мне новую расскажешь или чего у тебя там сейчас. Обещаю.

— Кое-куда, это куда? — Она села на кровати, скрестив руки на груди. Глаза ее сверкнули негодованием. — Опять на свой завод намылился? Уже даже в выходные решил туда ходить? Алек, ну ты ненормальный! Сам не хочешь, хоть людям дай отдохнуть.

— Да не на завод, — отмахнулся я. — У меня же есть жизнь кроме завода. Такой вот я деловой. Надо мне к мамке заскочить, и еще там кое-что…

— Что еще? Ладно, к маме заскочить. Ну так это пара часов времени. А по каким еще личным делам ты дальше собрался? — Она прищурилась. — У тебя там баба какая-то завелась, что ли, не пойму? Да? Ты мне изменяешь?

Я аж поперхнулся воздухом от неожиданности. Вот это поворот! Откуда у меня вторая баба появится, если я Настюху одну с трудом вывожу? Ну, логика у женщин, конечно, штука особая…

— Настюха, ты чего? Какая баба? Ты подумай, когда бы мне этим заниматься? У меня, блин, там… — я замялся. Ну не говорить же ей про цыгана Михая, паленую брагу и черные Ноды. Как в воду глядеть: решит, что я окончательно с катушек слетел. — Там у меня… ну, знакомый один, которому помочь надо. Ну, знаешь, по-мужски.

Она посмотрела на меня с недоверием, но, кажется, немного сбавила обороты. Вместо этого она переключилась на другую тему — классический маневр.

— Ну, хорошо. Но ты должен пообещать мне кое-что.

Я напрягся.

— Что?

— Вечером, когда ты вернешься, мы проведем время вместе. Ты придешь ко мне, мы посмотрим кино, поужинаем… — Она сделала паузу. — И я приготовлю для тебя что-то особенное.

Ну вот, опять двадцать пять. Опять про эту готовку! Звучит как угроза, ей-богу. При слове «приготовлю» у меня внутри все сжалось. Нет. Только не это. После вчерашнего пирога я не был уверен, что выживу после второго раунда.

— Настюх, — сказал я максимально аккуратно, стараясь подобрать слова, — слушай… Может, не надо готовить? А? Ты ж такая красивая у меня, зачем тебе стоять у плиты, портить маникюр и напрягаться лишний раз? Давай лучше я тебе денег скину, и ты закажешь что-нибудь. Пиццу там, шавуху какую-нибудь, бургеры. Ну, что хочешь. И себе что-нибудь еще купишь. Ну, бельишко какое новое, например…

Последнюю фразу я добавил специально. Знал, что это ее слабое место. Как только речь заходила о новых тряпках или белье, она тут же становилась сговорчивее. Да и мне от ее нового бельишка больше кайфа будет, чем от очередного горелого пирога.

Так и вышло. В ее глазах сверкнул живой огонек. Предложение явно показалось ей интересным.

— Бельишко? — переспросила она.

— Ну да. — Я кивнул. — Кружевное там, красивое. Вот типа как вчера, мне очень понравилось. Так что купи себе еще что-нибудь, я тебе бабок скину. А ты порадуешь и себя и меня.

Она задумалась на секунду, прикусив губу. Старательно взвешивала все за и против в голове. Пирог и совместный день против новых тряпок и доставки еды. Понятно, что выиграет.

— Хорошо, — протянула она, еще пытаясь показать, что делает мне одолжение. — Но ты обещаешь, что вечер мы проведем вместе.

— Да, отвечаю. Зуб даю.

— И мы посмотрим фильм.

— Да хоть два.

— И ты не будешь сидеть в телефоне!

— Настюха, я буду весь твой. Обещаю.

Она улыбнулась и чмокнула меня в щеку. Фуф.

— Ладно, зай, тогда беги по своим делам. Но чтобы к семи был как штык.

Я выдохнул с облегчением и буквально выскользнул из кровати, пока она не передумала. Накинул джинсы, футболку, обулся и уже был готов свалить, когда она окликнула меня из спальни:

— Алек! Но ты скинь денежку, не забудь! А то мне же не на что заказать еду.

— Сейчас! — крикнул я в ответ, уже стоя одной ногой в прихожей, а другой за ее пределами.

Я быстро залез в телефон, перевел ей пару тысяч, добавил сообщение: «Люблю». Настюха тут же ответила смайликом-поцелуйчиком. Ну, хоть на этом спасибо. Миссия по спасению выходного дня от кулинарных экспериментов была выполнена. Главное, что она согласилась не готовить. Это я считал своей главной победой за сегодняшнее утро.

Я выскочил из ее квартиры и чуть не столкнулся с соседкой, которая выходила с мусором. Та окинула меня взглядом, полным осуждения, и, кажется, что-то пробурчала про «бесстыжих». Интересно, что конкретно ее не устраивало в том, что взрослый мужик выскочил из квартиры взрослой девахи? Типа, живем во грехе? Хрен его знает, да и плевать мне было по правде. Я был свободен. Ну, по крайней мере, до вечера.

Когда я зашел в свою квартиру, меня встретил Васька. Он сидел прямо у двери, задрав хвост трубой, и смотрел на меня с таким укоризненным выражением, что я почувствовал себя последним негодяем. Насколько я понял по его морде, он был крайне недоволен тем, что я не ночевал дома, и требовал объяснений. Для начала он «накричал» на меня , а потом, судя по тому, как он демонстративно отвернулся и начал вылизывать лапу, явно решил меня проигнорировать.

— Ну что, Васька, — сказал я, присаживаясь на корточки, — ты чего, обиделся, что ли? Я же на работе был, сам знаешь. Ну и у Настюхи задержался. Не мог же я ее бросить.

Васька глянул на меня так, будто я сказал какую-то глупость. Потом встал, подошел, потерся о мои ноги и громко мяукнул. Явно требовал жрать.

— Ладно-ладно, сейчас покормлю, — усмехнулся я, направляясь на кухню.

Я насыпал ему корма в миску, налил свежей воды. Васька тут же принялся за еду, довольно урча. А я сел за стол и задумался. Выпить чаю и свалить к маме, или сначала к маме, а потом чай? Решил, что чай подождет. Мамка все-таки важнее.

— Вась, я к маме съезжу, — сказал я коту, когда он, насытившись, запрыгнул мне на колени и начал мурлыкать. — Ты как, один дома посидишь?

Васька глянул на меня в ответ и как-то странно прищурился. Мне почудилось, что он пытался говорить со мной мысленно, просто его телепатический дар пока еще не проснулся. Была, конечно, в подобных фантазиях некая доля ребячества, ну а куда деваться? Прикольно же. Хотя… Может и не надо оно. Хрен его знает, чего бы он мне там наговорил. Так или иначе, сейчас он просто мяукнул и спрыгнул с колен, направляясь к своей лежанке. Мол, поезжай, так уж и быть, я тут пока потусуюсь.

— Ну, бывай тогда, шкет, — сказал я, накидывая куртку. — Скоро приду.

Васька в ответ лишь мотнул хвостом и свернулся клубочком. Похоже, он простил меня за ночное отсутствие. Или просто был слишком сыт, чтобы продолжать обижаться. Откупился хавкой, получается.

До маминой квартиры я добрался быстро. Погода была на редкость хорошая для Угрюмова — солнечно, ветерок, даже грязь на дорогах немного подсохла. Шел я и думал о том, как же все-таки изменилась жизнь за последний год. Еще недавно я бы в субботу утром валялся с похмелья и даже не думал о том, чтобы навестить мать. А теперь — вот он я, иду с хорошим настроением, собираюсь зайти на чай, проведать и порадоваться за нее. Заценить суперкласс-ный ремонт, который сам же ей и отгрохал.

Мама открыла дверь почти сразу, будто ждала меня у окна. Она сияла, как начищенный пятак — волосы уложены, щеки румяные, глаза блестят. Я даже немного растерялся: не привык я видеть ее такой. Всю жизнь она была уставшей и удрученной проблемами. А сейчас — будто цветок распустился. Ну, Семен, ну, молодец. А я еще переживал, что не смогу в силу занятости сам мамке ремонт сделать. Вот же жизнь, такая штука интересная. Если бы я не нанял маме бригаду по ремонту, то она бы и Семена не встретила, ведь он бригадир в этой

самой бригаде. Они с мамой сразу поладили, с первого дня знакомства. Он мужик серьезный, дважды в разводе, двое взрослых детей у него. Но в маму, казалось, влюбился как мальчишка. Цветы, вон ей носил, продукты. В кино приглашал и местные кафе. В общем, романтика у них покруче нашей с Настюхой. Ну ладно, я как бы тоже молодец, нефигово руку приложил, чтобы мама счастлива была.

— Алек! Сыночек! — воскликнула она и крепко обняла меня. — Ты как? Голодный? Я как раз чайник поставила да горячие бутерброды сделала. Как знала, что придешь.

— Мам, я на минутку, — сказал я, хотя сам понимал, что это «на минутку» растянется как минимум на час. — Просто хотел посмотреть, как у тебя тут дела.

— Да все хорошо, — отозвалась она, ведя меня на кухню. — Проходи, смотри. Мы тут с Семеном почти все доделали. Осталось только мелочи докрутить. Красота невероятная! И все ведь благодаря тебе, сынок!

Я прошел на кухню и офигел. Нет, я, конечно, знал, что ремонт был хороший, но увидеть его вживую — это другое. Кухня преобразилась до неузнаваемости. Новые обои, плитка стильная на «фартуке», новенький гарнитур — светлый, современный, с матовыми фасадами и хорошей фурнитурой. Плита новая встроенная, духовка тоже новая, вытяжка. И, конечно, предмет особой гордости мамы — посудомоечная машина. Она стояла под столешницей и выглядела так, будто всегда там была.

— Ну как? — спросила мама, с гордостью оглядываясь. — Правда, красиво?

— Красиво, мам. Очень красиво, — искренне сказал я. — Ты, главное, сама довольна?

— Конечно довольна, Лешенька. — Она улыбнулась. — Так мне нравится, как все теперь выглядит, что словами не передать. Иной раз оглядываюсь по сторонам и мысль мелькает: не сон ли это?

— Не сон, ма, — заверил я, усмехаясь. — Я тоже, вон, ремонт твой вижу. Так что все по-настоящему.

После небольшой экскурсии по обновленной квартире, мы с мамой уселись за стол, и она начала привычно суетиться. Ну там, чай разливать, да бутеры греть, потому что они чуть остыли, пока мы ходили туда-сюда. Попыталась накормить меня супом и котлетами, но я плотно есть пока не хотел, пришлось отбиваться. Но бутеры эти мамины, конечно, как и любая другая ее стряпня, просто нечто божественное. Сидели мы с ней и болтали о всякой фигне, и тут в коридоре раздался шум, грохот, а в дверях показался Семен с двумя огромными пакетами продуктов. Как всегда, серьезный такой, что куда деваться.

— Привет, Алек, — буркнул он, ставя пакеты на пол. — Откуда это тебя бог принес? Суббота же, рано совсем.

— Так решил маму проведать, — ответил я, пожимая его руку. — А вы, смотрю, нагрузились.

— Так я ж не приду к матушке твоей с пустыми руками, — проворчал Семен, выкладывая из пакетов продукты. — Тут вот и мясо, и овощи, и сыр с хлебом. Машка любит свежее. А вы, я смотрю, чай пьете?

Мама покраснела, услышав «Машка», и замахала руками:

— Ой, ну прекрати. Давай, садись, сейчас чаю налью.

И они начали ворковать. Ну, насколько вообще могут ворковать два взрослых человека, когда одному из них за пятьдесят, а другому за шестьдесят. Но я смотрел на них и понимал: они счастливы. Мама перестала быть одинокой. А Семен, при всей своей ворчливости, явно души в ней не чаял. Он постоянно таскал кучу продуктов, хотя она его даже не просила об этом. Все старался купить самое ее любимое. А сейчас вон как суетился: помогал разбирать пакеты, что-то бурчал про скидки и качество, но я видел, как он искоса на нее поглядывает, наслаждаясь ее реакцией и тем, как она на него поглядывает, улыбаясь украдкой.

— Ну, а вы тут как, все ладно? — спросил я, отпивая чай.

— Все хорошо, сынок, — ответила мама, улыбаясь. — У нас все потихоньку, не жалуемся. Семен вон, ремонт доделывает. Думаем, может, в санаторий какой съездить после этого.

— Так, может, я помогу с ремонтом? Чтоб быстрее закончили? — спросил я, чувствуя себя немного лишним.

— Не надо, — отрезал Семен. — Я сам. Ты, главное, матери нервы не трепи, а я уж тут справлюсь. Ты человек занятой, у тебя там завод, девушки молоденькие… — усмехнулся он, явно шутя.

— Да какие такие «девушки», Семен Иванович. Тоже как скажете. — Я тоже усмехнулся. — Одна Настюха, и ту попробуй выдержи. Вообще не любит, когда я из дома лишний раз выхожу. Была бы возможность — приковала б меня к батарее.

— Это хорошо, — кивнул Семен. — Когда мужика дома ждут — это правильно. Ты молодой еще пока, Алек, не ценишь. А это важно, между прочим.

И Семен снова посмотрел на маму с такой теплой улыбкой, что мне аж самому радостно стало. Я же не стал распространяться, что ждут меня не всегда с добром и с улыбкой, а обычно со скандалом и требованиями. Не хотелось портить маме настроение. Пусть лучше она думает, что у меня там все идеально. Она и так со мной за всю жизнь намучилась, а сейчас ей хорошо. А если ей хорошо — то и мне спокойно.

— Сынок, ну у тебя там все в порядке? — спросила мама, поглядывая на меня с материнской чуткостью. — Ты какой-то… загруженный весь. Не нравится мне это.

— Да ты чего, нормально все, мам, — отмахнулся я. — Просто дел много на работе, да и в общем. Да чего тебе рассказывать в очередной раз. Сама знаешь, там на заводе работа не кончается. Но я разберусь.

— Ты главное не переутомляйся, — сказала она. — Работа — это хорошо, но про себя тоже забывать не надо. Отвлекайся, с Настюшей время проводи. Семен-то прав, дело говорит. Работа тебя не приласкает и дома с горячим ужином ждать не будет. А женщинам внимание нужно. И тогда она ради тебя горы свернет.

Я мысленно хмыкнул, но и содрогнулся. Вот ужина точно не надо. Только не Настюхину стряпню. А так, вот было бы у Настюхи маминой мудрости хоть немного. Может, и мозги бы мне так не делала, а я бы тогда чаще хотел с ней время проводить. Но говорить об этом я не стал.

Мы посидели еще немного, поболтали о том о сем. Про соседей, про цены, про то, что Семену в декабре на пенсию выходить. Я слушал, улыбался и думал о том, что вот оно, то самое, ради чего стоило так стараться выбраться из болота, в котором я так долго барахтался. Все остальное — суета. Ну, почти все.

Когда я уже собрался уходить, мама остановила меня у двери.

— Алек, ты это… — Она замялась. — К отцу своему случайно не собираешься съездить?

Я удивился. Мы с отцом почти не общались. Он где-то там на севере, на вахте, звонит раз в полгода пьяный. И я ему нужен был только чтобы выговориться. Да и мать про него не так уж часто вспоминала, особенно с учетом ее отношений с Семеном.

— Мам, а смысл? — спросил я. — Он там, я тут. У него своя жизнь, у меня своя.

— Понимаю, — вздохнула она. — Просто… он звонил тут недавно. Спрашивал про тебя. Говорил, что хочет с тобой повидаться. Соскучился по тебе. Он же, как ни крути, отец твой. Я ему сказала, что ты вряд ли поедешь. Но он сказал, что сам в Угрюмов собирается приехать, чтобы вы встретились.

М-да. Странная какая-то херня.

— Ну, приедет — поговорим, — пожал я плечами. — Ты не переживай, мам. Все у нас будет нормально.

— Я знаю, — улыбнулась она. — Ты у меня молодец. Иди уже, по делам своим.

Я вышел на улицу и тут же достал телефон. Настюха, как обычно, успела прислать с десяток сообщений. Но я был готов к этому. Первое: «Зай, я скинула тебе пару ссылок, посмотри!». Второе: «Алек, ты смотришь?». Третье: «Ну что ты там завис? Очень важно!». Четвертое: «Алек, ну я жду!». И так далее.

Я открыл ссылки и чуть не выронил телефон. Это были щенки. Маленькие такие, размером с мою ладонь, с огромными глазами и бантиками. Порода то ли йоркширский терьер, то ли чихуахуа — я в этих делах не разбирался. В общем, собаки, которых даже ветром сдуть могло. Настюха написала: «Зай, посмотри какая прелесть! Я хочу такую! Помоги выбрать!»

Я вздохнул и написал: «Насть, я сейчас занят. Я посмотрю позже. Хорошо?». Ответ пришел мгновенно: «Ну Алек! Почему ты опять отмахиваешься от меня? Для меня это важно! Ты что, не любишь меня?». И смайлик-слезка.

Я чуть не застонал вслух. Мне, блин, надо ехать в Тухлю на разведку к цыгану, который травит людей паленой брагой и плетет паутину Нодов, а она мне про собак пишет. Я переборол себя и ответил: «Дорогая, я посмотрю вечером. Обещаю. Сейчас правда не могу».

Дорога до Тухли заняла около получаса. Маршрутка тряслась по разбитой дороге, мимо проплывали поля, редкие домики, потом начался лес, а за лесом — снова пустошь. Тухля оказалась именно такой, какой я ее себе и представлял. Небольшая деревушка на отшибе с полузаброшенными, разрушенными домами.

Дом того самого Михая я нашел без труда. Он стоял на самой окраине, окруженный высоким забором из металлического профиля. Внутри угадывалось большое подворье. Слышался собачий лай и детский смех. Я остановился поодаль и попытался рассмотреть, что там внутри, но кроме очертаний груды хлама и густого кустарника видно ничего не было. Из-за забора доносилась речь на смеси русского и цыганского, слышались звуки музыки.

Я огляделся по сторонам. Вроде никого. Тогда я решил пройти к дому, насколько это было возможно. Подошел к забору поближе, остановился и использовал «Видение энергий».

И то, что я увидел, заставило меня замереть.

Над домом Михая, прямо над его крышей, висел огромный черный Нод. Я чуть не присвистнул, разглядывая эту гадость. Не, ну свистеть-то точно здесь не нужно было, а то вдруг злые цыгане еще набегут. Нод этот был необычный. У Горы, например, другой был. А от этого тянулись во все стороны сотни тонких черных нитей. Я проследил взглядом за одной из них — она уходила куда-то в сторону Угрюмова. Значит, источник и правда здесь, в этой полуразвалившейся деревне.

И только я сделал шаг вперед, чтобы рассмотреть получше, и тут рядом со мной раздался громкий, властный голос:

— Эй, ты! Че тебе надо тут?

Я обернулся. На меня хитро прищурившись смотрел невысокий, коренастый мужичок в яркой красной рубахе. Ну сразу видно, цыган. Даже без подсказок я понял, что это Михай. Он был таким, каким я себе его и представлял. Ну точно скользкий типок. Впрочем, как и многие цыгане. Ничего тут не попишешь, такой народ.

И вот мы стояли с ним друг напротив друга и пялились как два идиота. Парадоксально, но я его не боялся. И не такие метели в хлебало летели.

— Я проезжал мимо, — ответил я спокойно. — Заблудился чутка, искал дорогу до заправки.

Михай усмехнулся, сверкнув золотым зубом. Он вышел из-за калитки и оказался совсем рядом.

— Дорогу до заправки, говоришь? — переспросил он. — А чего ж ты тогда смотришь на мой дом так, будто выкупить его собрался? Это не простой взгляд, парень. Ты мне давай не заливай. Люди сюда за товаром приезжают. Ты за товаром?

— Ну, допустим, — осторожно ответил я. — А чего, продашь? У тебя, говорят, забористая синька. Вот решил друганам своим взять.

— Ты, я гляжу, не из местных, — ухмыльнулся Михай. — Я вообще-то не продаю вот так без предварительных договоренностей. Мало ли что ты там удумал.

— Так ты ж всего-то самогоном торгуешь, прям уж тайна такая?

Михай засмеялся так звонко и весело, будто я рассказал анекдот.

— Скажешь тоже — самогон. Я тут такие продукты делаю, парень, что тебе и не снилось. Самая крепкая, самая чистая брага во всей области. А если кому нужно крепче — есть у меня и то, что поразит тебя в самое сердце. Вообще говорю, не продаю я вот так без договоренностей. Но тебе могу продать, раз уж приехал. Исключение могу сделать специально для тебя. Ну что, хочешь попробовать?

— Да не пью я, — сказал я.

Михай удивленно поднял брови. Потом снова засмеялся, но уже не так громко.

— Не пьешь? Ну, такое редко услышишь в наших краях. Ну, молодец. Без вредных привычек жить легче.

— Так а чего тогда брагой торгуешь, если говоришь, что без привычек жить лучше?

Он многозначительно посмотрел на меня.

— Ты что-то вопросов много задаешь. У меня не просто самогон какой-то обычный, это для алкашей. А у меня суперзелье, которое людей счастливыми делает. Многие без моего товара вообще не могут. Народ сам выбирает, а я только даю им то, что они хотят.

— А ты сам-то, Михай, знаешь, что твоя брага людей калечит? — спросил я напрямую.

Он улыбнулся, обнажив золотые зубы.

— Вон оно что. Так и думал, что ты по этому вопросу притопал. Люди сами себя калечат, парень. Я-то что, насильно разве в кого-то лью? Товар у меня хороший, качественный. А то, что не все нормально алкоголь переносят, так это я чего сделаю?

Я понял, что разговор ни к чему не приведет. Михай был хитер как лис. И один я с этой проблемой, еще и без подготовки, никак справиться не смог. Главное, я выяснил, откуда растут ноги всех этих нодов, которые сетью окутали наш Угрюмов и окрестности. Надо пересечься со Шнырем и обкашлять вопросик, что же делать с этим Михаем дальше.

— Спасибо за беседу, — сказал я. — Мне пора.

Михай ничего не ответил. Только ухмыльнулся, скрестил на груди руки и еще сильнее прищурил глаза.

Я быстрым шагом направился к остановке. Когда отошел подальше и оглянулся, Михай все еще стоял у калитки и смотрел мне в спину. Он улыбался, и у меня от этой улыбки по спине пробежал холодок. Впереди меня ожидали важные дела и мысли об этом полностью поглотили меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.